

Вэй Тинсуй сохраняла своё привычное высокомерие, но в этом высокомерии сквозила мольба, которой было крайне трудно отказать. Чжэнь Вэньцзюнь не могла выносить её такой, ей оставалось лишь сокрушаться про себя о том, насколько же Вэй Тинсуй расчётлива и коварна, и что поддаваться на это ни в коем случае нельзя.

– Ну и как мне отказать тебе, когда ты так просишь?

– Тогда просто согласишься.

– Это крайне опасно. Попытка заново прорубить тракт Ваньсян таит в себе слишком много неизвестного. Стоит нам покинуть пределы Великой Юй, и всё, что с нами случится, станет непредсказуемым и неуправляемым. Это может оказаться куда свирепее и страшнее, чем великая битва на северных рубежах, – Чжэнь Вэньцзюнь отвела взгляд, не смея больше смотреть в полные разочарования глаза Вэй Тинсуй. – Хватит, не проси, я не соглашусь. Цзычжо, отдыхай как следует. В эти дни я целиком отдамся подготовке к походу на юг, а когда всё будет готово, явлюсь к тебе.

Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что в этот миг нужно проявить жестокость сердца и уйти как можно скорее. Стоит задержать на Вэй Тинсуй взгляд ещё хоть на долю секунды, и решимость даст трещину.

Вплоть до самого ухода Чжэнь Вэньцзюнь Вэй Тинсуй больше не проронила ни единого слова.

Чтобы заново открыть Тракт десяти тысяч направлений, прежде всего необходимо было отыскать летописи прошлых времён, где упоминался этот путь, а самое главное: раздобыть оставленные предками карты. Стоило найти карту, и дело пошло бы вдвое быстрее, с меньшими усилиями.

Бу Цзе к тому моменту уже много дней как покинул Жуниин, отправленный ею на поиски истоков тотема Сюаньняо. Сама она временно не знала, за что ухватиться, и тут в её памяти всплыл образ А-Си.

А-Си исколесила немало краёв. Она досконально знала о рельефе и землях Великой Юй, быть может, у неё найдутся хоть какие-то зацепки касательно тракта Ваньсян.

Чжэнь Вэньцзюнь немедленно пустилась в дорогу, держа путь на родину А-Си, в крошечный уезд Лю, что лежал у самых границ заставы.

– Тракт Ваньсян? – когда она отыскивала А-Си, та преспокойно сидела у въезда в деревню, с аппетитом уплетая из чаши горячую похлёбку с лепёшками. Попутно она наблюдала за партией двух стариков в вейци. Лишь когда одному из них объявили шах и мат, А-Си выкроила мгновение, чтобы повернуться к Чжэнь Вэньцзюнь. Но стоило ей услышать про Тракт десяти тысяч направлений, как она в один присест шумно дохлебала варево, с грохотом опустила чашу и с самым серьёзным видом отчеканила:

– Нельзя туда соваться, ни в коем случае нельзя! Эта дорога ведёт прямиком в пасть к подземным духам, к самым Вратам ада!

– Врата ада? – любопытство Чжэнь Вэньцзюнь разгорелось ещё сильнее. – Ты имеешь в виду государство Люхо?

А-Си увлекла её в глухой переулок и зашептала, озираясь по сторонам:

- По-твоему, отчего за столько лет ни один из правителей былых эпох так и не сумел заново открыть тракт Ваньсян? Любая живая душа знает, что южные земли сказочно богаты. Помимо зерна, в котором Великая Юй сейчас отчаянно нуждается, там полно благовоний, самоцветов и таких диких животных да растений, каких у нас и не видели. А ещё у них есть такие хитроумные механизмы и орудия, о которых люди Центральных равнин даже помыслить не могли! Наш шёлк и фарфор у местных варварских племён ценятся на вес золота, за них можно выручить баснословные деньги. Подумай сама: если уж нам с тобой это известно, неужто императоры и великие сановники при дворе глупее нас? В прошлую династию на открытие тракта Ваньсян ушло более пятидесяти лет! Они отправили троих послов прорубать путь, и что в итоге? Лишь последнему из них чудом удалось мало-мальски наладить сообщение. На это дело извели несметное число людских жизней и богатств казны, весь этот Тракт десяти тысяч направлений буквально вымощен миллионом трупов! А потом вспыхнули войны, казна опустела, и дорогу волей-неволей забросили. В ту пору была золотая эпоха расцвета, оттого у правителей и хватало золота на такие безумства. А погляди, в каком упадке сейчас Великая Юй? Простой люд голодает, неужто женщина-император согласится тратить казну на такую авантюру?

- Императрице и знать об этом не нужно, я сама соберу людей и отправлюсь туда.

- Ты? - А-Си смерила её задумчивым взглядом. - Вэньцзюнь, спору нет, в военном деле и командовании полками у тебя талант. Однако на тракте Ваньсян водится столько нечисти, чужеземных чудовищ и неисчислимых орд разбойников да дикарей, что даже тебе с ними не совладать. Что уж говорить о государстве Люхо. Люхо лежит посреди бескрайней пустыни: днём там жарко, точно в раскалённом горне, а ночью стужа стоит леденящая. Одно только дело пересечь эти пески и отыскать их столицу задача запредельная, куда уж там торговлю вести. Послам прошлой династии просто подвернулась удача, как шелудивым псам, раз они сумели набрести на это царство. Да и вообще, в подлинности тех записей я глубоко сомневаюсь. Посуди сама: какой нормальный правитель станет возводить свои чертоги посреди сухой пустыни? У этого царя что, с головой не всё в порядке? Действительно ли те послы добрались до Люхо или просто сочинили ворох сказок о заморских диковинках, чтобы отчитаться перед государем? Никто не знает. Мы с моим отцом в своё время и впрямь пытались пройти по остаткам древнего тракта Ваньсян, надеясь раздобыть денег, но ничего не вышло, там физически невозможно продвинуться вперёд. Вэньцзюнь, советую тебе выкинуть эту дурь из головы, пока не поздно. Без карты тракта Ваньсян ты не то что до Люхо не доберёшься, уйдя на юг за пределы застав Великой Юй, ты и тысячи ли не пройдёшь, как сгинешь в диком поле.

- А-Си, раз в прошлом вы ходили по тракту Ваньсян, у вас ведь наверняка осталась карта, верно? - ухватила за её слова Чжэнь Вэньцзюнь. - Вот потому-то я и пришла к тебе. Я хочу, чтобы ты отправилась со мной.

А-Си мгновенно отпрянула на три шага, спеша оборвать любые намёки на соучастие:

- И не думай молоть этот вздор! С какой стати я поеду с тобой на верную гибель?!

- Значит, карта у тебя и впрямь имеется?

А-Си опешила:

- ...Ты обманула меня!

Чжэнь Вэньцзюнь залилась звонким хохотом:

- Я и не думала тебя обманывать, кто же знал, что ты сама так легко попадёшься на удочку.

А-Си развернулась, собираясь уйти, но Чжэнь Вэньцзюнь крепко перехватила её за руку, увлекая назад:

- Не уходи, А-Си! Неужто тебе самой не хочется сорвать покров тайны с государства Люхо?

- Не хочется, - А-Си обернулась, с силой высвободила руку и твёрдо отчеканила:

- Мне до тайн этого Люхо нет ровным счётом никакого дела. Если тебе так не терпится расстаться с жизнью, то ступай одна, а меня в это болото не втягивай. Мне плевать, какие секреты скрывает это пустынное царство, меня это не касается!

С тех пор как они познакомились, Чжэнь Вэньцзюнь ни разу не видела А-Си в такой ярости. Даже когда пала приграничная застава, а затем в Мэнляне разразилась битва, затянувшаяся на добрых полгода, в которой А-Си лишилась ноги, та не выказывала и тени паники. Всякий раз она с поразительной лёгкостью спасалась от гибели, то притворяясь трупом, то прячась под повозками. В этой девушке всегда жила какая-то глубинная, затаённая мудрость. Чжэнь Вэньцзюнь давно это подметила. То, что А-Си выживала в хаосе войн, было не просто слепой удачей, а результатом редкого умения лавировать и чувствовать себя как рыба в воде в любой переделке.

- А-Си, твой отец ведь никакой не дровосек, верно? - спросила Чжэнь Вэньцзюнь. - И в Женский отряд ты тогда пошла не просто из-за падения заставы. Тебе всего лишь хотелось набраться воинского опыта, так? И ваша прошлая попытка пройти по тракту Ваньсян была вовсе не банальным поиском заработка. У вас имелся куда более глубокий замысел. Ни ты, ни твой отец не являетесь простыми людьми.

После этих слов гнев А-Си, вопреки ожиданиям, утих, и лицо её стало совершенно спокойным.

Чжэнь Вэньцзюнь смотрела, как подруга молча подошла к столу, забрала пустую чашу, вернулась на кухню и наложила себе новую порцию похлёбки с лепёшками. Опустившись на колени перед крошечным, выдавшим виды деревянным столиком, она принялась молча есть. Чжэнь Вэньцзюнь устроилась напротив неё, не торопя с расспросами и терпеливо дожидаясь ответа.

А-Си съела три чаши подряд и, лишь когда насытилась до предела, отложила палочки. Посмотрев на солнечный луч, пробивавшийся сквозь оконную раму, она с торжественной суровостью произнесла:

- Наши предки из рода Чжун когда-то были прославленными мастерами школы дипломатии - Цзунхэнцзя. В эпоху Весны и Осени и Сражающихся царств, когда повсюду гремели войны, по землям правителей странствовали не только святые мудрецы, распространявшие свои учения. Мои предки, владея искусством союзов и интриг, кочевали от одного удельного хоу к другому, предлагая хитроумные замыслы и удерживая хрупкое равновесие сил. Но с тех пор как были объединены Центральные равнины, наш род пришёл в упадок. Возвышение великих знатных семей окончательно вытеснило нас на задворки истории. С тех пор род Чжун так и не сумел подняться, однако мой отец не растерял гордости предков. Он всегда твердил мне, что потомок мастеров дипломатии обязан обойти все священные пики и измерить шагами десятки тысяч ли, только тогда его земной путь не будет прожит зря. Он всей душой грезил разгадать великие тайны тракта Ваньсян. В его сердце государство Люхо оставалось самым сокровенным и загадочным местом на свете. И сама я родилась на древней каменистой тропе этого Тракта десяти тысяч направлений.

Чжэнь Вэньцзюнь догадывалась, что А-Си как-то связана с этой дорогой, но не думала, что их узы переплетены настолько тесно.

– В землях царства Гуси мой отец повстречал молодую женщину, они полюбили друг друга, и на свет появилась я. Но стоило мне родиться, как явились воины Гуси, чтобы силой вернуть мою мать. По законам их племени, ни одна женщина не имеет права выходить замуж за чужака, они обязаны сочетаться браком лишь с мужчинами своего рода. Считается, что стоит нарушить этот запрет, и на всё царство Гуси падёт страшная кара богов, смыть которую способна лишь кровь грешницы. Мой отец поначалу ничего об этом не знал и безропотно позволил матери вернуться в племя. Он преданно ждал её много дней, но когда она так и не вернулась, он, изменив облик, тайно проник в их селение. Моя матушка была уже мертва. Из неё до капли выпустили кровь и бросили тело на растерзание горным орлам на вершине скалы. Отец, рискуя жизнью, сумел отбить её изуродованные останки, привёз на родную землю и предал погребению, а меня в одиночку вырастил у Портовой заставы. Когда я повзрослела, он рассказал мне эту историю. Вот таков один из ничтожных уголков на тракте Ваньсян, там люди давно растеряли всякий человеческий облик. И подобных диких, безжалостных племён на этом пути великое множество.

– А что случилось потом?

– Потом? – А-Си горько усмехнулась. – Он вернулся туда. Снова ушёл на тракт Ваньсян, вознамерившись упрямо идти вперёд. Земли Гуси вовсе не были его конечной целью, он всем сердцем жаждал достичь именно царства Люхо. В своё время я прошла с ним часть этого пути, и все те ужасы и лишения, что выпали на нашу долю, не под силу вынести ни одному нормальному человеку. Ради продвижения вперёд он готов был пожертвовать моей жизнью, и в конце концов мне надоело оберегать этого безумца, я бросила его и повернула назад.

Чжэнь Вэньцзюнь чутко уловила скрытый смысл в её речах:

– Выходит, государство Люхо действительно существует, и оно таит в себе колоссальную, невероятную приманку, так? Твой отец разузнал нечто весомое об этом царстве, раз вопреки любым смертельным опасностям упрямо стремился раскопать его след, – от этих мыслей Чжэнь Вэньцзюнь сама пришла в крайнее волнение. – Что же это за место такое – Люхо? Неужто налаживание торговли и впрямь способно принести невиданные богатства?

А-Си подалась к ней ближе, и какое-то время они молча смотрели друг другу глаза в глаза. Вдруг А-Си звонко, заливисто расхохоталась, и в её смехе послышались пугающие нотки:

– Под их землёй сокрыты неиссякаемые, бездонные залежи чистого золота и драгоценных камней.

Взгляд Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно стал острым как клинок.

– Ты веришь в это? – с какой-то безумной, отрешённой улыбкой спросила А-Си.

Кто бы мог подумать, что Чжэнь Вэньцзюнь окажется увлечена этой тайной ещё сильнее неё:

– Верю!

А-Си резко вскочила на ноги, едва не опрокинув обеденный столик.

– Я туда не поеду, и никакой карты у меня нет. Если тебе так не терпится расстаться с жизнью, то ступай и подыхай в одиночку! – бросив эти слова, она решительно зашагала прочь.

А-Си, должно быть, полагала, что её жуткий рассказ напрочь отведит подругу от этой затеи. Однако Чжэнь Вэньцзюнь, которая с раннего детства засыпала под страшные сказки своей матушки, ничуть не испугалась историй о пролитой крови и замученных пленниках. Напротив, слова А-Си о «неиссякаемых, бездонных сокровищах, сокрытых под землёй», заставили её сердце забиться в сладостном предвкушении. По коже побежали мурашки. Это было именно то, в чём так отчаянно нуждалась Цзычжо, главный рычаг и опора для великих реформ Сына Неба!

И Чжэнь Вэньцзюнь шла к этой цели ради неё!

Те сокровища, о которых толковала А-Си, сокрытые в недрах земли, без сомнения, являлись богатейшими рудными жилами. А раз речь шла о золоте, там вполне могли таиться нетронутые золотоносные шахты и древние речные наносы. Неудивительно, что правители прошлой династии всеми правдами и неправдами стремились прорубить этот путь. Тракт, ведущий в царство Люхо, воистину был великой дорогой к процветанию и немыслимому богатству!

Чем больше Чжэнь Вэньцзюнь размышляла об этом, тем сильнее её охватывал азарт. Она во весь опор помчалась назад в Жунин, намереваясь с порога обо всём поведать Вэй Тинсуй. Однако у дверей её спальни резко замерла. Вэй Тинсуй была точно такой же, как она сама. Подобная весть определённо привела бы её в неопишуемый восторг. Она ведь и так рвалась в этот поход. Чжэнь Вэньцзюнь с огромным трудом удалось силой её удержать. Раструбить обо всём сейчас, вновь раззадорив её, такой поступок едва ли можно назвать умным.

Сдержав порыв, Чжэнь Вэньцзюнь так и не постучала. Развернувшись, она отправилась напрямик к Цзо Куньда, чтобы разузнать, не согласится ли тот составить ей компанию на тракте Ваньсян.

Услышав, что Чжэнь Вэньцзюнь замахнулась на покорение древнего Тракта десяти тысяч направлений, Цзо Куньда загорелся этой идеей, выказав живейший интерес. Увы, ныне он был связан официальным воинским чином и не мог самовольно покинуть Жунин, о чём искренне сожалел.

Слова Цзо Куньда заставили Чжэнь Вэньцзюнь осознать одну крайне серьёзную проблему.

Если Вэй Тинсуй не выделит ей своих людей и не позаискивает перед Ли Яньи, Чжэнь Вэньцзюнь придётся пуститься в этот поход фактически в одиночку. А ведь для успешной торговли ей жизненно необходимо везти с собой образцы товаров, которыми славились Центральные равнины: шелка, фарфор и чай, всего по несколько повозок. Одной ей за таким караваном ни за что не углядеть. Конечно, можно нанять людей за деньги, но наёмники - публика ненадёжная, сброд со всех дорог. Ещё неизвестно, выйдет ли из них толк. А случись в пути настоящая опасность, то они в один миг разбегутся кто куда, оставив её ни с чем. Мастеров с завидным боевым искусством найти тоже можно, вот только на те гроши, что были у Чжэнь Вэньцзюнь на руках, такие умельцы даже не взглянули бы.

В идеале ей нужно было заполучить в спутники Сяохуа. Та была сильна как вол, могла таскать любые тяжести, да ещё и кулаками махать умела. Что уж говорить, стоило этой громале просто встать перед караваном, и у любого напрочь отпало бы желание соваться на верную гибель.

Её участие в этой экспедиции выглядело бы вполне естественно и разумно. Останься сейчас Линби в Жунине, чтобы приглядывать за Вэй Тинсуй, Сяохуа как раз была бы свободна и могла бы поехать с ней.

Но к сожалению...

Как ни крути, а Чжэнь Вэньцзюнь волей-неволей снова приходилось идти на поклон к Вэй Тинсюй.

Оказавшись у дверей её кабинета, Чжэнь Вэньцзюнь мысленно перебрала в голове десяток вариантов оправданий и лишь затем решилась постучать.

По её расчётам, Вэй Тинсюй, как человек дальновидный и радеющий за общее благо, без сомнения, согласится помочь. Наберёт для неё верных людей и снарядит караван на юг. Вот только доброго лица от неё ждать не причиталось, она наверняка затаит обиду и выроет на её пути сотню скрытых ям, чтобы при случае столкнуть её туда ради собственного утешения. Что ж, Чжэнь Вэньцзюнь оставалось лишь безропотно подставить спину под любые удары судьбы, лишь бы та сменила гнев на милость.

Дверь распахнулась, и Чжэнь Вэньцзюнь обомлела: внутри вместе с хозяйкой дома находилась сама Ли Яньи!

- Приветствую Ваше Величество! - Чжэнь Вэньцзюнь поспешно пала ниц в глубоком поклоне.

Ли Яньи с улыбкой произнесла:

- Вэньцзюнь, скорее поднимайся. Нам нашептали, что ты вновь замышляешь совершить великий подвиг на благо престола.

Чжэнь Вэньцзюнь прошла в кабинет. Сяохуа плотно притворила за ней дверь, оставив их четверых в строжайшей тайне ковать великие планы.

Девушка без утайки поведала им обо всём, что разузнала сегодня от А-Си, добавив к рассказу свои собственные соображения. Выслушав её, Правительница, которая сама уже настрадалась от вечной нищеты государственной казны, с глубоким вздохом восхищения произнесла:

- Если Тракт десяти тысяч направлений действительно удастся открыть заново, для Великой Юй это станет величайшим благословением. Вэньцзюнь, каких бы воинов ты ни пожелаала взять с собой, сколько бы повозок тебе ни понадобилось, только скажи Нам, Мы предоставим тебе всё!

Чжэнь Вэньцзюнь украдкой бросила взгляд на Вэй Тинсюй. В неверном свете масляной лампы та сидела, небрежно перевязав длинные волосы и укутавшись в пушистые меха. На её губах застыла едва уловимая, отрешённая улыбка, по которой невозможно было разгадать её истинные чувства. В этот миг она вновь полностью обратилась в ту самую непостижимую, пугающе расчётливую Вэй Цзычжо.

- Милость Вашего Величества безгранична, Вэньцзюнь хранит глубокую признательность в самом сердце. Ваше Величество, мне понадобятся шелка различных узоров и выделки, отборный фарфор из лучших императорских печей, а также чайные листья высшего сорта, всего по пятьдесят повозок. Кроме того, не помешает прихватить образцы золотой и серебряной утвари, бронзовые зеркала и изделия народных умельцев. Шёлком, чаем и фарфором мы сможем расплачиваться за припасы и покрывать убытки в пути, а если удастся выручить за них добрую монету, тем лучше. Остальные же диковинки послужат для того, чтобы у этих южных дикарей от удивления глаза на лоб полезли. Стоит заключить с ними торговые соглашения прямо на месте, и по моему возвращении мы сможем развернуть производство невиданных масштабов. Что до защиты, мне понадобятся пятьсот отборных воинов и тысяча человек прислуги для обоза. Остальное я снаряжу на собственные средства.

Ли Яньи с величайшей щедростью и без малейших колебаний утвердила все её запросы. На самом деле, требования Чжэнь Вэньцзюнь были более чем скромными. Она полностью вошла в положение Ли Яньи и, принимая во внимание нынешнее истощение империи, постаралась максимально сберечь средства казны. Будь у неё иная воля, она непременно потребовала бы собрать колоссальный караван и выделить ей для прикрытия по меньшей мере пять тысяч лёгких всадников.

Перед тем как покинуть поместье Вэй, Ли Яньи вручила Чжэнь Вэньцзюнь свиток из овечьей кожи.

– Здесь сокрыты все зацепки касательно тракта Ваньсян и государства Люхо, что Мы велели собрать для тебя, а также несколько обрывков древних карт. Всё это были секреты прошлой династии. Ныне Мы передаём их тебе. Вэньцзюнь, ты правая рука Цзычжо, а значит, и Наш верный человек. На этом пути ты должна быть предельно осторожна. Мы будем ждать твоего триумфального возвращения!

Чжэнь Вэньцзюнь пала ниц, безмерно благодаря за оказанную милость. Ли Яньи удалилась в сопровождении нескольких женщин. Чжэнь Вэньцзюнь подметила, что эти спутницы ступали совершенно бесшумно, а их шаг был твёрд и уверен. Без сомнения, то были первоклассные мастерицы боевых искусств.

– Это и есть те самые воительницы из отряда Чжуйюэ? – спросила Чжэнь Вэньцзюнь у Вэй Тинсуй.

– Да, ныне Чжуйюэ обратились в личную гвардию Сына Неба, полностью вытеснив из внутренних покоев евнухов и слуг. Это дело сперва подняло целую бурю протестов среди придворных сановников, однако Правительница нанесла ответный удар с пугающей жестокостью.

– О?

– Она велела притащить того безрассудного евнуха, что покусился на её ложе, прямо в зал судебных заседаний. Перед лицом всех министров его заставили штрих за штрихом поведать о том, как именно он замышлял соблазнить Императрицу. Каков у него оставался выбор? Негодяю пришлось во всеуслышание признать всё. И то, что он совершил, и то, чего никогда не делал, но в чём Её Величество желала его уличить. Сановники онемели от стыда и неловкости. В итоге этого мерзавца предали мучительной казни, рассекли на тысячи кусочков, а отряд Чжуйюэ благополучно занял места прислуги.

Выслушав эту историю, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила лёгкое, едва уловимое смятение в душе. Казалось, Ли Яньи, взойдя на престол, мало переменилась, превращаясь в правительницу, готовую пустить в ход самые грязные и коварные уловки ради достижения своих целей. А быть может, она попусту тревожилась. Не исключено, что Ли Яньи всегда была такой, просто сама Чжэнь Вэньцзюнь ранее плохо знала эту венчанную женщину-владыку.

Едва императорский выезд скрылся из виду, Вэй Тинсуй уже собиралась что-то сказать, но Чжэнь Вэньцзюнь опередила её на полвздоха, решительно отрезав:

– И не проси, всё равно не пущу. Нельзя - значит нельзя! Ты ведь слышала всё, о чём я только что рассказывала, верно, Цзычжо? Опасности на этой дороге превзойдут любые наши ожидания. Я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью.

Вэй Тинсуй лишь часто захлопала ресницами и с самым безразличным видом отозвалась:

– Ох, я и не собиралась ехать. Я лишь хотела сказать, что Сяохуа этим вечером наварила похлёбки с рыбой. Я специально велела припрятать для тебя одну чашу. Ступай скорее, пока не остыла.

Бросив эти слова, Вэй Тинсуй первая развернулась и в одиночестве ушла к себе.

Когда Чжэнь Вэньцзюнь добралась до кухни, на деревянном столе и впрямь красовалась посудина, что размерами превосходила её собственное лицо. Чтобы просто поднять эту «чашу», требовалось приложить немало усилий, у неё закрались веские подозрения, что это вовсе не пиала, а самый настоящий таз.

К счастью, Сяохуа не поскупилась на объёмы, иначе Чжэнь Вэньцзюнь со своим аппетитом точно осталась бы голодной.

Кулинарное мастерство Сяохуа, как и всегда, оказалось безупречным. Чжэнь Вэньцзюнь, которая последние дни провела в вечных разъездах, толком не спала и не ела, изрядно проголодалась. Она в мгновение ока смела всю рыбную похлёбку дочиста, прихватила банный халат и отправилась к купальням, чтобы смыть дорожную грязь.

Она до безумия любила эту купальню. Особым, ни с чем не сравнимым блаженством было погрузиться в обжигающие, согретые целебными травами воды в пору, когда на дворе вовсю кружил молодой снег, и лениво наблюдать, как пушистые хлопья один за другим тают над твоей головой.

Ей нравилось поместье Вэй. Каждая малейшая деталь этого дома была ей мила. Здесь повсюду хранились крупницы воспоминаний о детстве Вэй Тинсуй, и всё вокруг дышало её родным ароматом.

И всё же, несмотря на всю любовь к этому месту, Чжэнь Вэньцзюнь всем сердцем желала обрести свой собственный дом. Очаг, который принадлежал бы только им двоим. Вот только бог весть, когда этой заветной мечте суждено будет сбыться.

Быть может, когда она благополучно вернётся с тракта Ваньсян, а Вэй Тинсуй наконец официально взойдёт на чиновничий пост, та благодаря своим выдающимся талантам стремительно взлетит по карьерной лестнице. И тогда Императрица непременно позволит ей открыть свои личные чертоги и основать поместье. В ту пору сама Чжэнь Вэньцзюнь обоснуется подле неё, будет оберегать её покой и служить верным советником. Они вместе ворвутся в бурные течения придворной жизни, сокрушая любые вражеские фракции. От одних этих мыслей её сердце наполнялось непреходящим, чистым восторгом.

Выйдя из купальни, Чжэнь Вэньцзюнь набросила банный халат и поспешила к себе, непрестанно размышляя о том, принимала ли Вэй Тинсуй целебные ванны в её отсутствие. И кто все эти дни разминал ей поясницу охлаждающими шариками-ханьтуань? Неужели Сяохуа?

Представив эту картину, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила укол ревности. Она ускорила шаг, направляясь прямиком к покоям Вэй Тинсуй. Стоило расстаться всего на пару дней, как тоска уже сдавила грудь. У неё накопилось столько слов, которые непременно нужно было высказать перед долгой разлукой. Ведь бог весть, сколько времени займёт этот поход по тракту Ваньсян. И даже если Вэй Тинсуй решит выказать холодность или приготовит для неё парочку скрытых ловушек, не беда. Чжэнь Вэньцзюнь встретит всё с покорной улыбкой и без единого упрека.

Однако Вэй Тинсуй оказалась куда великодушнее, чем она смела надеяться.

Она не стала сердиться и копать ямы. Напротив, сама мягко потянулась к завязкам её халата, отчего Чжэнь Вэньцзюнь даже растерялась из-за столь непривычной ласки.

– Не нужно, не нужно, сес... – от волнения она едва вновь не выпалила «сестрица», к которому слишком прикипела сердцем за долгие годы. Чжэнь Вэньцзюнь поспешно исправилась:

– Цзычжо, я сама. Скажи лучше, ты принимала сегодня лечебные ванны?

Вэй Тинсуй кивнула:

– Я велела Сяохуа приготовить отвар, но до охлаждающих шариков руки ещё не дошли.

– Вот и славно, я сама всё сделаю, – Чжэнь Вэньцзюнь запахнула халат и потянулась к шкатулке за лекарством.

Пока Чжэнь Вэньцзюнь бережно растирала ей спину, Вэй Тинсуй принялась штрих за штрихом перечислять все опасности, что могли подстергать в пути: от еды и одежды до ночлега и дорожных тягот. Прежде за ней не водилось подобной скрупулёзности... видать, запрет пускаться в поход вместе действительно глубоко задел её за живое.

– Цзычжо... – Чжэнь Вэньцзюнь нежно обняла её со спины. – Мне и самой не хочется расставаться, но я обязана идти. Это дело касается нашего общего будущего и судьбы всей Великой Юй, мы обе понимаем его важность.

– Я знаю, – Вэй Тинсуй уже смирилась со своей участью. Уложив подбородок на скрещённые руки, она слегка повернула голову и коснулась лбом щеки Чжэнь Вэньцзюнь. – Оттого я и не стану больше спорить. Я буду преданно ждать тебя в Жунине. Но ты должна пообещать мне одну вещь.

– Ты хочешь, чтобы я взяла с собой Сяохуа, – догадавшись, Чжэнь Вэньцзюнь опередила её на полуслове.

– Лишь если Сяохуа будет подле тебя, моё сердце обретёт покой. Дай мне это обещание, и я более не пророню ни слова укора.

Вэй Тинсуй высказала это столь твёрдо и решительно, что у Чжэнь Вэньцзюнь не нашлось сил для возражений, даже банальное «но» застряло у неё в горле.

По самым скромным подсчётам, этот поход на юг и возвращение назад должны были занять не менее полугода, и это без учёта непредвиденных задержек, которые неизбежно крадут драгоценные дни.

– Мне кажется, я просто умру от тоски по тебе... – Чжэнь Вэньцзюнь, точно малое дитя, прильнула к груди Вэй Тинсуй, не в силах разомкнуть объятия.

Вэй Тинсуй, напротив, принялась мягко её утешать:

– Полгода пролетят как один миг, и мы очень скоро увидимся вновь.

Поначалу, когда Вэй Тинсуй рвалась в дорогу, а Чжэнь Вэньцзюнь оставалась непреклонной, её решимость казалась негибимой. Но теперь, когда спутница безропотно приняла свою долю, Чжэнь Вэньцзюнь сама ощутила, как к сердцу подкатила тяжёлая, щемящая грусть.

Этой ночью ей хотелось без остатка впитать родной аромат Вэй Тинсуй, бережно сохранив в

памяти каждую малейшую деталь её существа.

Вэй Тинсуй послушно отдавалась её ласкам, пусть даже её собственное тело сейчас не было способно отозваться ни на что, кроме глухой боли.

После той самой первой ночи они обе со всей очевидностью осознали пугающий изъян в здоровье Вэй Тинсуй.

Прежний недуг лишил её не просто способности ходить, часть её тела ниже поясицы долгое время оставалась совершенно неподвижной. И хотя теперь она могла с трудом стоять на ногах, удерживать равновесие долго ей не удавалось. Но самым страшным оказалось то, что травма полностью лишила чувствительности её «сюаньпу» и «даньсюэ»¹

¹«сюаньпу» (даосский термин для женских гениталий) и «даньсюэ» (точка акупунктуры, связанная с сексуальной энергией).

Во время их первого союза Чжэнь Вэньцзюнь была слишком возбуждена, а слёзы Вэй Тинсуй и вовсе заставили её позабыть обо всём на свете. Она узнала немало об «искусствах спальни» от А-Цзяо из семьи Юэ, так называемые «техники соблазнения» учили не просто разжигать страсть, но и ублажать спутника. На протяжении всего процесса Чжэнь Вэньцзюнь была очень осторожна, в конце концов, тело Вэй Тинсуй имело слишком много травм и болезней, и она не могла позволить себе быть слишком грубой. Кроме осторожности, она также тайно применяла многие техники. Она была свято уверена, что доставила возлюбленной блаженство, а те слёзы списала на избыток чувств. В противном случае А-Цзяо была бы мошенницей.

Вэй Тинсуй тогда смолчала. Лишь когда они обе обессилели от изнеможения, Чжэнь Вэньцзюнь принялась с ласковым упрямством выпытывать, каково ей было и над чем ещё стоит потрудиться. Зажатая в угол расспросами, Вэй Тинсуй была вынуждена открыть правду, которая повергла Чжэнь Вэньцзюнь в глубокое потрясение.

Её тело не чувствовало ничего, кроме пронзительной боли. И те слёзы были лишь безмолвным криком истерзанной плоти.

Такой исход казался чудовищным и несправедливым. Вэй Тинсуй предполагала, что всему виной застарелое повреждение поясицы и нервных окончаний ног. Даже в винном погребе, когда Чжэнь Вэньцзюнь сосредоточилась на ласках клитора, Вэй Тинсуй оставалась безмятежной и отрешённой. Куда больше удовольствия ей приносили поцелуи и те мгновения, когда Чжэнь Вэньцзюнь с лёгкой, властной силой впивалась зубами в её губы и кожу.

Поэтому в ночь перед отъездом ласки Чжэнь Вэньцзюнь не шли дальше нежных прикосновений к коже. На следующее утро, когда пришло время отправляться в путь, Вэй Тинсуй всё ещё крепко спала. Чжэнь Вэньцзюнь не нашла в себе сил разбудить её и ушла тайком.

Сяохуа уже полностью подготовила обоз. Длинная вереница конных повозок ломилась от товаров, и Чжэнь Вэньцзюнь лично проверила каждую из них.

Вскочив на Юньчжун Фэйсюэ, она звонко взмахнула плетью. Впереди снова лежали тысячи гор и рек, бескрайние дали и одинокие закаты.

Караван быстро покинул Жунин и не торопясь двинулся по тракту. К сумеркам они добрались до окрестностей небольшого уезда и остановились на ночлег.

Расставив лагерь, люди раскинули шатры и принялись разводить костры, чтобы приготовить

ужин.

Чжэнь Вэньцзюнь отрешённо наблюдала за тем, как воины засыпали огромный мешок риса в большой железный котёл, мешая варево громадным черпаком, пока толпа вокруг усердно подбрасывала туда овощи и рубленное мясо.

Глядя на их шутки и смех, Чжэнь Вэньцзюнь не ощущала ни капли аппетита.

Не прошло и дня с момента разлуки, а её сердце уже разрывалось от тоски. Как же ей пережить оставшиеся сто с лишним дней и ночей?

Так ничего и не съев, Чжэнь Вэньцзюнь рано ушла к себе в шатёр и легла спать.

Прокладывать торговый путь совсем не то же самое, что вести войну. На передовой даже ночной сон не приносит покоя, тебе вечно чудятся вражеские засады и внезапные штурмы. Сейчас же они ещё не покинули пределы Великой Юй, оттого не было даже привычного боевого напряжения. Чжэнь Вэньцзюнь тупо смотрела в тёмный купол шатра, в её объятиях царила звенящая пустота, словно она лишилась какой-то важнейшей части собственного тела.

Интересно, чем сейчас занята Цзычжо? Хорошо ли она поела, приняла ли целебную ванну? Не станут ли другие слуги в доме лениться из-за того, что охлаждающие шарики слишком холодные, и не забросят ли её массаж?

Она долго ворочалась с боку на бок и забылась тяжёлым, смутным сном лишь глубокой ночью. Во сне ей почудился родной, сладостный аромат Вэй Тинсуй. Протянув руку, она попыталась обнять это наваждение и действительно сжала кого-то в объятиях.

Разомкнув отяжелевшие веки, она увидела, как первые бледные рассветные лучи едва пробиваются сквозь ткань шатра. И в тот же миг Чжэнь Вэньцзюнь обнаружила, что в её постели покоится посторонний человек!

От испуга она едва не подскочила до самого верха. Это ещё кто додумался тайком пробраться к ней под одеяло?! Неужто они вот так и проспали в обнимку всю ночь? Если об этом прознает Цзычжо, пиши пропало!

В полумраке шатра Чжэнь Вэньцзюнь уже вознамерилась силой вытолкать незваного гостя, однако этот силуэт лишь прильнул к ней ещё ближе и по-хозяйски зарылся лицом в её грудь.

- Нельзя! Перестань! - Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой вцепилась незнакомцу в плечи, собираясь чуть ли не швырнуть его на пол.

- Больно...

Безжалостная хватка Чжэнь Вэньцзюнь причинила чужому телу сильную боль. Услышав этот тихий, сонный голос, Чжэнь Вэньцзюнь лишь опешила:

- А?

- Цзычжо?!

Та, что лежала в её руках и так победоносно, лукаво улыбалась... кто это мог быть, если не сама Вэй Тинсуй?

<http://bllate.org/book/17227/1994449>